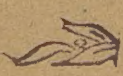
Н. Киселев

РАССКАЗЫ О БОЛЬШОМ ЧЕЛОВЕКЕ

НОВГОРОДСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1945 г.

Н. Киселев

РАССКАЗЫ О БОЛЬШОМ ЧЕЛОВЕКЕ

НОВГОРОДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1945

Сергей Миронович КИРОВ

О „РАССКАЗАХ О БОЛЬШОМ ЧЕЛОВЕКЕ“

Рассказы Николая Киселева отображают в хронологической последовательности несколько эпизодов из различных периодов жизни и деятельности С. М. Кирова. Большинство рассказов основано на освещении подлинных фактов из биографии С. М. Кирова.

Рассказ „Товарищ“ освещает имевший место в действительности один случай из жизни С. М. Кирова периода его учебы в Казанском механико-техническом училище.

Рассказ „Сокол с Томской стороны“ посвящен революционной работе С. М. Кирова в Иркутске с осени 1908 года по май 1909 года.

В рассказе „Точный прицел“ показан эпизод подавления белогвардейского мятежа в Астрахани 10-12 марта 1919 года в период руководства С. М. Кирова героической обороной Астрахани.

Рассказ „На озере“ посвящен одному из эпизодов охоты С. М. Кирова на Ладожском озере и встречи его с рыбаками рыболовецкой артели „Дружба“.

В рассказе „Утро в трамвае“ Николай Киселев рассказывает о чутком отношении С. М. Кирова к старушке-колхознице д. Дивенская, встретившейся с ним случайно в трамвае.

В рассказе „За Нарвской заставой“ говорится об одном из посещений С. М. Кировым завода „Красный Путиловец“ в период освоения заводом выпуска тракторов.

Рассказы в целом неплохо рисуют образ С. М. Кирова, как революционера, как руководителя борьбы в период гражданской войны, как руководителя Ленинградской организации большевиков, наконец, как человека, проявляющего подлинную заботу о людях.

Научный сотрудник института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) Р. САВИЦКАЯ.

* * *

В этих небольших рассказах молодой писатель Николай Киселев ярко отразил образ Сергея Мироновича, его любовь к Родине, к народу; простоту, внимание к „мелочам", чуткое, заботливое отношение к человеку.

Рассказы написаны в последовательном отображении жизни любимого трибуна, развертывая его революционную деятельность с юных лет. Рассказы написаны в доступной форме для начинающего читателя, особенно поучительны для молодежи. Читая эти рассказы, молодежь будет учиться тому, как содержательно надо строить жизнь, чтобы она была полезна не только в часы своей работы, но и в часы отдыха, в быту.

Анна Мироновна и Елизавета Мироновна КОСТРИКОВЫ — народные учительницы, орденоносцы.

Село Елькино, Лебяжского района, Кировской области.

ТОВАРИЩ

Сергей Костриков—ученик низшего Казанского механико-технического училища — долго не спал. Шла вторая половина ночи, а он все ворочался на коротком сундучке, кутался в рваное одеялишко, прислушивался к городскому шуму, просачивающемуся в дощатый коридор, в котором жил Сережа.

Кроме тоскливого завывания осеннего ветра, сюда явственно доносился частый рев пароходов, покидающих казанские пристани. Те пароходы готовились отплывать в далекий край—в солнечную Персию.

Однако, бедная и тоскливая обстановка не омрачала радостного настроения юноши. Сережа бодрствовал и совсем не этим был занят в мыслях. Его внутренний мир был ярко освещен и согрет огромной радостью. И даже исчезла обида на хозяйку дома, прогнавшую его с кухонного стола, где пристроился он почертить.

Сережа радовался не беспричинно: сегодня знаменателен был у него день. Юный техник закончил работу над самодельным электромотором, начатую два месяца назад.

Тот мотор, сделанный сережиными руками в мастерской училища, был принесен домой и спрятан в дровянике. Там же хранилась батарея элементов. Батарею Сережа тоже сделал сам. Оставалось залить банки раствором нашатыря и тогда пробуй машину, испытывай мотор, гоняй его, сколько душе вздумается.

Выждав время, когда в хозяйском доме установилась тишина, Сережа осторожно вышел на улицу. Проворно перетащив на кухню мотор, элементы и засветив самодельную свечу, он лихорадочно принялся за работу.

Соединив последовательно элементы, Сережа установил мотор посредине стола. Мотор стоял солидно, ярко бле-

стели клеммы наверху чугунного корпуса, сделанного из обрезка толстой трубы.

Учащенно колотилось сережино сердце.

— Станет ли работать?—думал мальчик. Сережа зачистил перочинным ножом концы проволок, идущих от батареи, присоединил их к клеммам, пуская ток, и вот мотор, вздрогнув крашеным кожухом, заработал. Весело и быстро закрутился маховичок, затрепетали голубые искорки под щетками коллектора, заликовала сережина душа от радости и восторга.

На следующий день Сережа собрал своих товарищей и показал им самодельный моторчик.

— Такой движок каждый может сделать,—пояснил он, раскидывая перед друзьями чертеж.—Вот кожух, а вот магниты. Тут, видите, якорь с обмоткой. Одним словом, физика.

Присматриваясь к возбужденным товарищам, Сережа заметил ,что в кругу их нет Владислава Спасского, ученика первого класса.

— Владя Спасский где, почему он не пришел?—спросил Костриков у вихрастого паренька, любовно глядящего блестящие пластинки коллектора.

— Ха!—шмыгнул тот вздернутым носом.—Владька! Да как же он придет? У него штаны все разносились. Он даже в училище целую неделю не ходит,—проговорил паренек с веснущатым лицом.

— Попал наш Владислав в беду,—с тоской в голосе проговорил третий мальчуган.—Из дому ему помочь не могут, маленьких сестренок у него много, а мать одна, да и та прачка.

— Да неужели?!—воскликнул Костриков, нахмурил брови и внезапно помрачнел.

— Да чего это ты, Сережа,—затормошили Кострикова товарищи.—А ну-ка еще запусти моторчик.

— Постой,постой, ребята,—остановил Костриков приятелей.—Владе надо помочь. Штаны ему купить надо.

— А карбованцы где?—спросил веснущатый мальчишка.

— Будут карбованцы!—весело воскликнул Сергей и улыбнулся.—Или никто не купит такую машину?—поднял он моторчик.—Ай-да, ребятишки, на Толкучий рынок.

... Вечером, когда в ясном небе вспыхнули первые

звезды, встретились у памятника Державину ученики механико-технического училища Костриков и Спасский.

В сотый раз ощупывал на себе новенькие суконные штаны Владя, от всей души благодарил Кострикова, а тот смеялся, показывая ряд белых здоровых зубов, говорил:

— Ну, чего, чего ты юлишь? Чего, спрашиваю я тебя? Ну продал мотор, ну купил тебе штаны, так что же тут особенного.—Ведь ты же мне товарищ?!

СОКОЛ С ТОМСКОЙ СТОРОНЫ

Моросил дождик-бусенец. Такие дождики, мелкие и назойливые, бывают глубокой осенью, когда в небесных просторах надолго застаивается облачная муть.

По канавкам, что тянулись вдоль широких иркутских улиц, бежала краснобурая глинистая вода. Иркутск, раскинувшийся на правом берегу ретивой Ангары, выглядел по-осеннему хмуро. Пешеходы, подняв воротники, ежились от зябкого байкальского ветра и от дождя, ниспадающего третьи сутки.

Но ничего подобного, казалось, не замечал один молодой человек, одетый в черную тужурку и выгоревший картуз. Медленно шагал он по улице, ведущей к рыбной пристани, и с большим интересом рассматривал городище, стяжавший славу первого красавца среди сибирских губернских центров.

Затем, спросив что-то у извозчика, молодой человек в рыжем картузе направился за город в тихую улочку и там остановился против крошечного домика, напоминающего скворечник.

На углу этого маленького домика была прибита большая голубая вывеска. На ней, лихо нарисованные, форсистые собольи шапки теснили надпись, говорящую о том, что именно тут действует «Мастер - шапочник Василий Андреевич Хоботов».

Обладатель черной тужурки и рыжего картуза бойко постучал в крашеные воротца. На зов вышел сам шапочник. Это был маленький человечек в клеенчатом фартуке. Рассматривая круглое шапочниково лицо, окаймленное солидным окладом седеющей бороды, молодой человек, оглядываясь по сторонам, назвал себя:

— Сокол!

— Куница!—живо отозвался шапочник и на его морщинистом, одутловатом лице вспыхнула приветливая улыбка.—Здравствуй, здравствуй, Сокол! Хорошо ли долетелось!?

— Здравствуй, Куница. Как видишь, ни в один силок не угодил,—весело проговорил молодой человек. — А ловушек всяких у вас здесь, в Иркутске, раскинуто немало.

Они вошли в жилище. В домике, несмотря на явную тесноту, властвовали порядок и чистота. Хоботовы жили бездетно. Миновав кухоньку, заставленную начищенной посудой, и веселую светелку, всю в зелени цветов, хозяин с гостем оказались в самой шапочной мастерской. Горбатая старушка, колдующая над горкой меховых обрезков, поздоровалась и враз бесшумно удалилась.

— Супружница моя, Анисья Игнатьевна,—повел плечом шапочник.—Она понимает, что за птица влетела. Ну, будь как дома, Сокол, сейчас чаевничать станем.

— Сокол, — усмехнулся молодой человек, скидывая тяжелую от сырости свою одежину. — А ты называй меня, отец, по-настоящему. Меня зовут Сергей Миронов,—и, подмигнув, он добавил,—бывший Костриков.

— И то дело!—воскликнул шапочник, выдавая высокой нотой голоса свой восторг.—Костриков. Как же, слыхал, слыхал. И до наших мест докатилась слава твоя.

— То-то же, докатилась. И не говори, отец. До того прославился, по городу стало не пройти. Каждый шпик да городовой знает. Вот и пришлось из Томска выехать.

— Из Томска-то прямо сюда махнул, в наши иркутские глухомани?

— В Ново-Николавске погостил,—и, приблизившись к Хоботову и обняв его за плечи, Миронов сообщил взволнованно:— С товарищами встретился, оживили там революционное дело... Еще типографию соорудили.

— Ишь ты, бедовый парень, и до чего ты остер!?—возбужденно воскликнул старик —А меня товарищи еще на той неделе предупредили: мол, залетит к тебе Сокол с Томской стороны, приюти в своей скворешне.

— У вас как тут дышется-то? — спросил Миронов, доставая какие-то бумаги из своего дорожного мешка.

— Тяжело, паря, —качнув головой, пропел старик.— Разгром целый у нас учинен. От здешней организации единицы остались, почитай, всех большевиков схватили,

А ты надолго ли к нам пожаловал? Может, кончить бы все эти затеи?

— Ты что, отец,—нахмурился Миронов. — Про какие ты говоришь затеи?

— Да про революционные эти самые. Где же вам... то-есть вообще нам, с августейшим совладать,—заговорил шапочник, играя морщинами.

— Чудак ты, отец!—не скрывая досады, проговорил Сергей, косясь на старушку, что уже тащила кипящий самовар.—Не мы одни пойдем на борьбу с самодержавием, пойдет народ, трудовой рабочий класс, трудящиеся крестьяне. Только народ этот надо организовать, насытить его революционной идеей. Вот ядро будем сколачивать. Ты сообщи-ка мне адреса тех, кто уцелел, заново поднимать станем партийную работу.

— Это можна - а,—согласился старик.—Только как бы не прихлопнули нас.

— Волков бояться—в лес не ходить.

— Случись что—сошлют в Алданские горы пески промывать.

— Сделаем революцию, про тебя, думаешь, забудем,— с жаром проговорил Миронов.—Разыщем тебя в горах, в момент собьем оковы.

— Фу ты, леший! Как просто все у тебя, Сережа,— душевно рассмеялся шапочник. — Смелый ты, чорт, как я на тебя погляжу, и какой ты, вроде железный.

Вслед за самоваром на стол явились пшеничные пироги, закуски, мед и графинчик с водкой. Уписывая за обе щеки жирного омуля, приезжий рассказывал своему новому товарищу о деятельности томских революционеров, о забастовке железнодорожников на станции Тайга, о смерти печатника Иосифа Кононова, о своем путешествии в Иркутск.

Старый шапочник внимательно слушал рассказы молодого революционера и чувствовал, как рассеивается подавленность, напавшая на него после ареста многих политических ссыльных, и взамен ее в старом хоботовском сердце рождалась прочная надежда на скорую победу трудового народа. Старик в мечтах уже видел падение самодержавия, ликование народа, власть справедливости, мира и свободы. Этот совсем еще молодой паренек в сатиновой косоворотке, в стоптанных штибле-

тах внушал ему бодрость, будил в нем какие-то новые силы, настойчиво звал за собой.

За окнами попрежнему лил дождь. Сумерки осенней ночи кутали город, и горбатая бабушка зажгла огонь. Теперь, при ярком свете, Хоботову было хорошо видно Сергея Миронова. Ладно сложенный и широкоплечий, он сидел на табурете, немного сутулясь, но его крупная голова с темными густыми волосами, зачесанными назад, держалась прямо. Улыбчивое лицо с выдающимся вперед, слегка угловатым подбородком и искрометными глазами выражало столько энергии, что, казалось, она теплыми волнами расходилась вокруг и магнетизировала все на своем пути.

— Этот далеко пойдет. Большим вожаком у большевиков будет,—думал Хоботов и замечал,что Миронов за все время ни слова не сказал о себе. Он все говорил о товарищах и только вспомнил своего отца Мирона, ушедшего в былые годы на Урал, на заработки, и пропавшего без вести. И когда замолк Миронов, старик, словно молодой, выпрыгнул из-за стола, приблизился к юноше и спросил с энтузиазмом:

— Слышь-ка, Сергей, а мне-то дело доверите?

— Будет и тебе дело, всем дела хватит!

— Да уж куда тебе, Андреич, за молодыми-то тягаться,—возразила постным голоском Анисья Игнатьевна, готовя за ситцевым пологом постель гостю. — Твое дело шапки шить, слава богу кормимся.

— Ну, ну, молчи, убогая, не твоего ума тут дело, — перебил ее старик и,громыхнув табуреткой, присел вплотную к Миронову. — Зажег ты меня, парень, запалил старую лампаду, право слово. Я ведь раньше просто так, вроде как бы сочувствовал вашему политическому брату, а сейчас мне прямое дело давай, действовать вместе с тобой стану, коли не побрезгуете стариком.

— Так что, примыкай, коли так, — согласился Миронов, опрокидывая вверх дном порожний стакан. — Прокламации отпечатаю, распространять станешь!

— Сереженька, пощадил бы ты Андреича-то, не затягивал бы в свои безбожные ряды, — снова заговорила бабушка, теперь уже выглядывая из-за полога.—Старик ведь он, да и рематизма его одолевает. Смущаешь по грехи.

— Молчи, мать, молчи, — топнул ногой Хоботов так, что посуда зазвенела на столе.—Революция не грех, а святое дело — я так понимать стал, ибо просветил Сергей мой мозг. Не о своем животе заботимся, об угнетенном страдающем народе.

Миронов одобрительно улыбнулся. Он остался доволен этим сочувствующим старичком, о котором много слыхал от товарищей по подполью, бывающих в Иркутске. Старик Хоботов уже давно сдружился с политическими, и те, беспокойные люди, частенько находили большую, главным образом, материальную поддержку в нем. Нередко в его маленьком домишке хранили ревкомитетовцы оружие, шрифты, запасы бумаги и прочее. Однако теперь, под влиянием пламенных мироновских речей, незначительным и ничтожным показалось Хоботову все это. И, несмотря на старость свою, до страсти захотелось старику хоть немножечко быть похожим на проворного, самоотверженного и необычного этого паренька Сергея Миронова.

Через несколько дней, чтобы не стеснять шапочника и не наводить подозрений своим частым хождением, Миронов нанял комнатку в нижнем этаже большого дома и перебрался туда. Дом тот находился на второстепенной улице, комнатенка была темная и грязноватая с единственным оконцем, глядящим во двор. Однако, Миронов не променял бы ее на лучший номер первоклассной гостиницы. Миронов был на нелегальном положении. Агенты охранки, наэлектризованные томским губернатором и его жандармерией, рыскали в поисках Кострикова по всей Сибири и естественно, что приходилось вести себя по всем правилам конспиративного искусства, почерпнутого молодым революционным вожаком от старших своих товарищей.

Хозяин дома, подслеповатый старичок, оказался большим либералом в части „пачпорта". Миронов назвался приказчиком с рыбной пристани, достал какую-то справчонку, но хозяин и смотреть ее не стал, он махнул рукой, наказал только:

— Потапливайте лучше, господин Миронов, у меня в подвале картофельный склад, только по этому случаю вас и пускаю.

Переспав первую ночь в новом своем пристанище, Миронов напился чаю в ближайшем трактире и с утра по-

бежал на базар. Там он купил себе дешевенькую гитару, белый приказчичий фартук и десяток ярчайших олеографий. Придав своей комнатенке жилой щеголеватый вид, он направился к Хоботову, чтобы перенести от него гектограф, привезенный с собою. Назвав свой адрес, Миронов пригласил старика к себе:

— Сегодня же и приходи, отец, этак часиков ввосемь.

— Непременно приду, погляжу твои аппартаменты, — согласился шапочник.

Вернувшись домой, Миронов занавесил окно, наладил гектограф и начал печатанье прокламаций. Свежеотпечатанные прокламации лежали, просыхая, на столике, на табуретках, на полу, и от них, казалось, становилось уютнее в этой комнатенке. Когда число прокламаций перешло за сотню, Миронов закурил. Но вдруг его лицо на миг отразило тревогу: он заслышал звон шпор. Миронов осторожно приподнял занавеску и заглянул во двор к дверям дома направлялись два молодцеватых жандарма.

Сунув свой множительный прибор в печь и спрятав прокламации под одеяло, Сергей Миронов внимательно осмотрел комнату, мысленно готовясь к встрече непрошенных гостей.

„Похоже, конец свободе твоей, Сокол“, — с горечью подумал Миронов. — „Выследили...“

Но долго размышлять ему не пришлось: бряцание шашек, звон шпор, оживленные голоса жандармов послышались уже в коридоре.

„Живой в руки не дамся: либо смерть, либо свобода“, — решил Миронов, нащупывая в кармане револьвер.

В дверь постучали. Стараясь всей силой души придать спокойствие своему голосу, Миронов проговорил:

— Войдите.

Жандармы вошли, поздоровались, переглянулись. В их слишком галантном поведении Миронов усмотрел что-то необычное. И... о чудо! Они даже как будто смутились.

— Вы ко мне, господа? — спросил Миронов, ленивым жестом снимая со стены гитару и желая этим отвлечь на случай их внимание.

— Нет, извините, — вежливо проговорил жандарм с черными красивыми усами и, виновато улыбнувшись, обратился к своему патрону. — Оказывается, мы не сюда попали. Она, очевидно, рядом.

После неловкой паузы и шептания усатый жандарм пояснил:

— Нам надо пройти к Анюте Гаевой, к соседке вашей. У них сегодня день рождения. Они здесь где-то тоже в низах проживают.

— Извольте, я вас провожу, — с готовностью предложил Миронов, берясь за лампу.—Барышня живет рядом.

Но открыв дверь, Миронов столкнулся с Хоботовым. Старый шапочник, увидя Миронова в обществе улыбающихся и надушенных жандармов, от неожиданности открыл рот и едва не выпустил из рук корзину. Вышли в коридор и вот здесь-то Миронов быстро нашелся:

— А...а, господин шапочник, — воскликнул он, — мерочку пришли снять. Вот сюда, сюда, в мое жилье извольте пройти, а я сию минуту, только господ военных провожу.

Это сразу вывело старика из оцепенения. В тон Миронову он спросил:

— Так вам какая потребуется: кунья или соболья?

— Соболья, определенно-с. Нам, приказчикам, она к лицу-с.

Через некоторое время, провожая до ближайшего угла Хоботова, начиненного прокламациями, жадно затягиваясь махорочным дымком, Миронов хохотал до слез. Он рассказал старику, как все это произошло.

— Ну, отец,—заметил он в заключение.—Этот раз пронесло, но имей в виду: Фортуна — капризная женщина.

— Да ты что,—сердито бубнил старик,—куда тебя нечистая сила занесла. В самое полымя. Без проволочки выезжай из этой проклятой берлоги.

— А может, погодить, а? Может, под носом у самодержавной стражи спокойнее будет?

Старик задумался, потом примял на своей голове старую соболью шапку.

— Смотри-ка ты, ведь моложе меня, а сноровистее.

— Может, здесь и насчет паспортишка дельце выгорит, если с этой Анютой познакомиться,—продолжал Миронов.— Она ведь в полиции служит.

—Попробуй, коли не трус!

На другой день, вечерком, когда на улицах загудели газовые фонари, зашел Миронов к Анюте Гаевой. До этого только мельком видел он свою соседку. Анюта оказалась девушкой симпатичной. Маленькая, алощекая, вся

в светлых кудряшках, с синими глазами, окаймленными длинными темными ресницами, она имела все основания для того, чтобы вскрутить голову некоторым своим сослуживцам.

Веселая певунья Анюта проводила свой досуг шумно и оживленно. Она приветливо встретила Миронова. Подав ему свою маленькую розовую ручку, она назвала себя и добавила добродушно:

— Полицейская чиновница.

— Сергей! Приказчик с рыбной пристани,—отрекомендовался Миронов и присел на плюшевый диванчик.

— Я вас буду называть Серж, можно?

— Как вам угодно-с.

— А у меня вчера были гости,—сказала Анюта и вдруг бесцеремонно схватила его за руку.—Серж, скажите, вы играете на гитаре?

— Играю-с.

— И в шахматы?

— Не особенно, но все же.

— Надеюсь, вы и фокусы умеете показывать на картах?

— О, тут я силен!

— Вы должны меня обучить всему этому,—потребовала девушка.—Вам, наверное, смешно, а мне это необходимо. Мои друзья,—она кивнула на стену, откуда с фотографии смотрели вчерашние жандармы,—любят интересно провести время, а я такая бесталантная,—добавила она со смехом.

— Извольте-с, я с удовольствием.

— Слушайте, почему вы так говорите: извольте-с, угодно-с. Говорите просто, без этого с.

— Привычка, от нас хозяева требуют. Да притом мы недавно в услужении при лавочке состояли.

...Незаметно бежало время. Миновала короткая сибирская осень, наступила суровая иркутская зима. Миронов, Хоботов и их товарищи работали не покладая рук. И теперь зачастую приходилось старушке Анисье Игнатьевне проводить в одиночестве долгие вечера и ночи. Старый шапочник совсем забросил свое ремесло. Оживало иркутское подполье, группировались революционные силы, крепла партийная работа. Прокламации и листовки печатались уже не на гектографе, а в тайной типографии.

Время от времени Миронов заходил к Анюте Гаевой.

Однажды он сказал с простоватой улыбкой:

— У меня к вам одна просьба будет.

— Какая, Серж?

— Вы меня должны прописать.

— Прописать?—удивилась полицейская чиновница.—А вы разве не прописаны?

— Никак нет-с. Тут такое дело случилось, у меня в бане пачпорт выкрали. Вот только эта справочка уцелела,—и он, виновато улыбаясь, протянул ей бумажку.

— Что же вы раньше об этом молчали, глупенький.

— Да все как-то не решался.

— Хорошо,—сказала Анюта, пряча в ридикюль мироновскую справку.—Я сделаю.

И она действительно сделала. На следующий день она сказала ему:

— Прописала вас, Серж. Вот здесь об этом значится.—И девушка вручила ему новенький паспорт. Паспорт, настоящий паспорт на имя Сергея Мироновича Миронова.

Могучая волна радости охватила все его существо. Он подбежал к девушке, пристально посмотрел в ее чистые наивные глаза, проговорил с чувством:

— Спасибо, Анюта, большое спасибо. Я всегда буду помнить вас и вашу услугу.

Девушка смущенно заулыбалась:—Только вы об этом никому не говорите, Серж.

...Наступила весна. По иркутским гористым улицам отыграли ручьи, обнажились из-под снега и просохли выложенные крупным булыжником мостовые. В городском саду и за городом, в лесах, весело зазеленели кедры, пихты, бальзаминские тополи. В поймах рек Ангары и Иркута буйно распустились черемуха и боярышник. Шла весна 1909 года.

Тихим ранним утром провожал в далекий путь своего друга старый шапочник Василий Хоботов. Старик волновался. До отхода поезда оставалось двадцать минут, а сколько еще хотелось высказать! И хотя чувствовал старый. что бесполезно упрашивать, он снова и снова возвращался к своей мечте:

— А ты бы еще летечко прожил у нас, однако,—говорил он.—На Байкал съездили бы, омулей да хариусов половили бы.

— Нельзя, отец,—стоял на своем Сергей.—Ищут меня. Ведь типография-то наша, Томская, что была, на Аппол-

линариевской улице, обнаружена. А здесь дело сейчас наладилось, пойдет, как по рельсам.

— Так, значит, на Кавказ?

— На Кавказ, отец. Подальше мне теперь следует уехать. А для нашего брата везде дело найдется.

Подошел поезд. Друзья расцеловались.

— Прощай, Иркутск,—тихо сказал Сергей.—Бабушке-то своей спасибо мое передай, берегла она меня, словно сына, пельменями все баловала.

— Ладно, передам, —отозвался старик.—А ты корзину-то не забудь,—и он поднял с перрона корзину.—Настряпала старуха тебе кое-что в путь-дорогу. Шапочку соболью туда я сунул. Носи с богом да старого Хоботова вспоминай.

Они обнялись еще раз, и Миронов поднялся в вагон. Паровоз загудел и поезд тронулся. Лучи солнца засверкали на гудящих рельсах. Кряхтя и сутулясь, шел Хоботов на окраину города, на тихую улочку, в домик свой, похожий на скворешню.

„Улетел наш сокол,—шептал старик.—Крылья у него молодые, быстролетные, могучие. Далеко пойдет, немалым вожаком будет".

Сиял весенний день, а в поймах рек Ангары и Иркута буйно цвели заросли ароматной черемухи и нежного боярышника.

ТОЧНЫЙ ПРИЦЕЛ

Был март 1919 года. Астрахань переживала тревожные дни. Вокруг города буйствовали белоказаки, уральские войска генерала Толстова, со стороны Кизляра напирали деникинцы. И некого было противопоставить тем черным силам, ибо прибывающие в город части одиннадцатой армии, прошедшие калмыцкую степь, были обессилены голодом, морозом, тифом. В Астрахани, оказавшейся в кругу огня и злобы, ждали мятежа.

Революционные матросы и рабочие расставили по городу сторожевые посты и пулеметы, а председатель Ревкома, ленинский посланец товарищ Киров не смыкал глаз третью ночь и, по выражению моряка с миноносца „Москвитянин" Петра Якорькова, поднимал и готовил к боям астраханский пролетариат.

В Ревкоме жизнь била ключом круглые сутки. И вот сегодня, в это хмурое мартовское утро красная разведка донесла, что „будет начало" и строже стало всюду, и суровее, и воинственнее.

У Мироныча, в его обжитом, просторном кабинете было жарко, оживленно, многолюдно. Прибывший боец, с трудом протискавшись к столу Кирова, рассказывал: мятежники угнездились на крыше высокого здания и открыли пулеметный огонь по горожанам и бойцам.

— Разрывными змеюки сыпют!—взволнованно закончил он.

— На крыше долго они не продержатся, мы приказали сбить этот дом,—сказал Киров и пояснил:—Штаб мятежников в этом доме. И, если мы сумеем, товарищи, разрушить вражеский штаб, мы посеем в рядах мятежников панику, обезглавим их и таким образом перейдем от обороны к наступлению.

Едва успел Киров проговорить эти слова, как над городом взмыли протяжные гудки. Все насторожились.

— Мятежники сигнал подают,—пояснил Киров, строго посматривая на товарищей.

И вдруг, заглушая эту тревожную разноголосицу, послышалась артиллерийская канонада. По мощным выстрелам, от которых зазвенели стекла в окнах и задрожала земля, все поняли, что открыла огонь крепостная батарея. Киров, его помощники Лещинский и моряк Якорьков опрометью кинулись к окну.

За окнами, кутаясь в мартовскую туманную хмарь, лежал город. Над заснеженной перспективой многочисленных крыш возвышался дом купца Розенбаума, в котором засели главари мятежа.

— Эх, бога нет, царя убили, мимо кроют!—с сердцем проговорил Якорьков, черным утесом сутулясь у окна.

— Наводчиков хороших нет у нас, вот в чем наша слабость, товарищи,—определил Мироныч, а Якорьков мечтательно произнес:

— Эх, с миноносца бы по ним грохнуть!

Канонада продолжалась. Слышно было, как с воем и шелестом пролетали снаряды, однако дом продолжал маячить.

— Товарищ Киров, на миноносец нас отпусти,—забасил Якорьков, гремя винтовкой.— С корабля огонька бросим.

— Точно!

— А то кисни тут!

— На домашнем приколе сидим,—зашумели и другие моряки, поддерживая своего вожака.

— Товарищ председатель Ревкома,—не унимался Якорьков.—Мы их за штаны с крыши стащим, только разреши.

Киров молча подошел к столу, налил из графина в стакан воды и подал Якорькову. Тот оторопел, попятился.

— На... Остынь. Гимназистка в бушлате. Горячитесь все. Наводчик будет!—и, подойдя к Лещинскому, Мироныч сообщил:

— Мы тут, Оскар, опытного артиллериста разыскали, нейтрального старичка, однако, я надеюсь, что нам удастся склонить его на нашу сторону.

— Мироныч, к тебе тут,—доложил в это время из дежурки бородатый боец.—Старый какой-то приполз элемент. Пустить или погодить?

— Ну вот, видишь, явился,—просиял Киров, подмигивая Якорькову.—Пропусти!

Между тем, вместо ожидаемого артиллериста в кировский кабинет суетливо вбежала маленькая старушка. Всхлипывая и задыхаясь, она потребовала заглавного комиссара и, когда ей указали на Кирова, повисла у него на руке и запричитала:

— Батюшка! Ради бога запрети стрельбу. Народу бог знает сколько перебило.

— Ерунда получается,—поморщился Лещинский.

— Сынок, бога будем молить денно и нощно. Страсть-то какая...

Киров снял трубку телефона, вызвал штаб обороны, находящийся в крепости, и приказал немедленно прекратить стрельбу. Канонада угасла. Обрадованная бабка ушла. Вестовой доставил сообщение разведки: мятежники готовят большое наступление, к ним примкнули казаки из пригородных сел.

Киров потеребил свою черную бородку, задумался на какой-то момент, затем выкрикнул:

— Петр!

— Есть, товарищ член Реввоенсовета!—оглушая всех своим могучим басом, отозвался Якорьков, расталкивая моряков.

— Вам доверяется оборона порта. В порту—хлеб, суда, заводы.

— Есть, держать порт!—еще громче рявкнул Якорьков и энергично вымахнул на улицу, увлекая за собой всех матросов, находящихся в Ревкоме.

Ревком на момент опустел. Лещинский подошел к Кирову:

— Может, съездить за артиллеристом,—предложил он. Время не ждет.

Однако, за старым артиллеристом ехать не пришлось. Он явился сам. Это был старец не особенно приглядной наружности. Высокий, худой, с желтым дряблым лицом. Отеки под глазами и одышка явно свидетельствовами о том, что у артиллериста больное сердце. Потертая шинель с полуоторванным хлястиком и фуражченка с расколотым фибровым козырьком—таков был костюм старого воина от артиллерии.

Отказавшись от предложенного стула и не ответив на приветствие председателя Ревкома, старик зашумел:

— Это возмутительно! Слухи подтвердились: вы действительно разрушаете город.

— Вы Сафронов?! — в свою очередь спросил его Киров.

— Да, Сафронов, 67 лет как Сафронов.

— Здравствуйте, товарищ Сафронов,—сказал вторично Киров, подавая руку.

— Здравия желаю!—на этот раз, хотя и недружелюбно, но все же отозвался старик.

— Я Киров, председатель Ревкома. Будем знакомы.

— Я вас слушаю, товарищ Киров.

— Мы узнали, товарищ Сафронов, что вы отличный артиллерист-наводчик.

— Вызвали за тем, чтобы сказать комплимент?— спросил, иронизируя, старик.

— Нет, не за этим, товарищ Сафронов. Мы, астраханские большевики, пока не имеем хороших артиллеристов-наводчиков. Мы хотим, чтобы вы помогли нам.

Старик ответил не сразу. Посматривая на Кирова из-под своего треснувшего козырька мутным взглядом, он нехорошо думал о большевиках.

— Мы ждем вас, товарищ Сафронов,—нарушил стариково раздумье Киров.

— Разрушать город я не стану.

Лещинский, молча наблюдавший за этой сценой, безнадежно махнул рукой и возбужденно заходил по кабинету. Подойдя к окну, он заметил, что погода сделалась лучше, туман поредел, местами заголубело небо и под лучами первовесеннего солнца, словно дразня весь астраханский мир, пламенели окна злополучного дома.

Киров раскинул на столе пожелтевший свиток.

— Вот план города, прошу вас взглянуть,—сказал он.— На крыше этого вот дома засели враги революции. Они стреляют в беззащитных рабочих и горожан. В нем же— штаб мятежников.

— Что вы мне показываете план,—вспылил старик.— Я и без ваших карт знаю город. Я с завязанными глазами найду любой переулок.

— Мы распорядились сбить этот дом из орудий,—продолжал Киров.

— Но, как мне известно, этому дому не причинено никакого ущерба.

— Точно!—согласился Киров.—Однако, мы только сейчас отдали приказ крепости прекратить стрельбу. Мы хотим избежать лишних жертв, товарищ Сафронов, помогите нам в этом.

— Так ли это,—насторожился старик и спросил желчно:— Что вам угодно от меня?

— Мы хотим, чтобы вы произвели точный прицел.

— Нет, нет,—затоптался старик.—Увольте. Теперь мое дело индюшек разводить, кавуны выращивать.

Киров закурил, взглянул в записную книжку.

— Товарищ Сафронов, Василий Андреевич! Это же в ваших интересах, в интересах вашего города. Именно мы хотим сохранить Астрахань.

— Но мне рассказывали, что вы, большевики, намерены посредством пиротехники разнести Астрахань.

— К чему же это?—спросил Киров.

Старик нахмурился, присел, задвигал рысьими своими бровями.

— Будто бы за то, что Астрахань приняла вас очень неприветливо.

— Меня?!

— Да, вас и вашу армию.

— Астрахань—это рабочий класс, товарищ Сафронов,— сказал Киров, подходя к старику и обнимая его.—А рабочий класс нас встретил очень дружелюбно. Трудящиеся Астрахани помогают армии, кто чем может, собирают теплые вещи, а рабочие отдают ей даже самое дорогое—часть своего хлебного пайка.

— Значит, меня обманывали.

— Обманывали, товарищ Сафронов.

— Кто вам говорил это?—поинтересовался Лещинский.

— О большевиках говорят неправду только их враги,— уклонился старик от прямого ответа, и его лицо, глаза как бы посветлели.—Стар я..., годы. Через три шага на землю тянет.

— До крепости мы вас подвезем,—пообещал Киров.— Дадим вам помощников, наших молодых артиллеристов, которых вы, кстати... подучите.

Что-то дрогнуло в душе старика. Он внутренне обмяк и почувствовал себя бессильным устоять против просьб этого удивительного человека с черной бородкой, с улыбчивым лицом, с глазами, разливающими вокруг себя море света и тепла.

Наслушавшись всякого о большевиках, воображение старика давно нарисовало образ председателя Ревкома. Киров, о котором говорила вся Астрахань, представлялся старому артиллеристу здоровенным рыжеволосым великаном, затянутым в кожаную куртку и штаны,—ходячим арсеналом всех видов оружия. И будто тот необычайный комиссар зычным голосом отдает приказы своим командам, и те команды громят всех и вся. Но ничего подобного не оказалось на самом деле, и этот интеллигентный пиджачок, белоснежная сорочка и галстук с голубой искоркой совсем смутили Сафронова.

— Ну, хорошо,—поднялся старик.—Я вас понял. Ну... одним словом, я сделаю точную наводку,—и он подал Кирову свою широкую жилистую руку.—Как я сказал, так тому и быть.

Старый солдат разогнул сутулую спину, козырнул, вытянулся и, сделав „кругом", хотел было уходить вслед за вызванным автомобилистом,но Киров задержал его. Он порывисто подбежал к артиллеристу, обнял и поцеловал его в лоб.

— Товарищ Сафронов,—с жаром проговорил Киров.— Вы прекрасный человек. История вас не забудет.

...Через полчаса Киров был в порту. Стоя на площадке подъемного крана, где находился командный пункт обороны, он наблюдал за городом в бинокль.

В порту все было подготовлено к отражению вражеского набега. Якорьков с помощью матросов установил на кровле таможни пулеметы, бойцы бревнами и тарой забаррикадировали ворота и проулки. Батарея речной флотилии тоже была на-чеку.

Отсюда, с этой высокой точки, город был виден, как на ладони. Вдруг Киров заметил, как по направлению к порту хлынула из-за ближнего переулка казачья сотня с шашками наголо.

— По врагам революции огонь!—скомандовал Киров и стал смотреть на часы. Захлопали выстрелы, загремела батарея. Синие усики стрелок указывали обусловленный час, но крепость молчала.

— Время, время по вражескому штабу ударить,—шептали обветренные кировские губы. — А он что-то медлит старый, медлит.

— Крепость на провод!—потребовал председатель Рев-

кома, обращаясь к связистке, которая находилась у полевого аппарата.

— Не отвечает крепость, товарищ комиссар.

Еще что-то говорила встревоженная телефонистка, но голос ее заглушили громовые раскаты крепостной артиллерии. Киров поднес бинокль к глазам, увидел: рушился, разламываясь на куски, далекий дом. Дымились развалины.

Мятежники дрогнули, заметались, рассыпались по переулкам и дворам. Их конники пустились на утек, в степь, а на крыше таможни неумолчно строчили пулеметы, поливая отступающих огневым градом пуль. Там действовал Якорьков, и Кирову было видно, как мартовский ветерок, летящий с Волги, шевелит ленточки его бескозырки.

НА ОЗЕРЕ

Солнце закатилось и только далеко, далеко на горизонте, отражаясь в зеркальной глади озера, трепетала огнистая каемочка зари, да и ту вскоре потушил поднявшийся над Ладогой сиреневый туман.

С востока надвигались сумерки, постепенно наслаивалась тьма, тяжелел, остывая, воздух, а в камышевых зарослях плескались кряквы и нырки.

На крутом мыске, заросшем серебристым ракитником, горел костер. Пламя костра освещало просторный прутяной шалаш, лодки, стоящие на приколе, сети, растянутые для просушки, и старого рыбака Фому. Фома, морща от дыма загорелое лицо, деловито помешивал самодельной мутовкой рыбное варево.

Старик волновался. Дело в том, что их председатель Лука Корнев, прибывший спроведать отъездную рыболовецкую бригаду, прослышал от знакомого лесника неожиданную и приятную весть. Лесник говорил, будто бы приехал поохотиться в ладожские палестины сам товарищ Киров.

— А где, где видели Мироныча-то?—горячился председатель.—Может, неправда это, так болтают?

— Да у Синего Родника,—бойко ответил тогда лесник.—Ей богу, он самый. Двое их, своим оком видел: Киров и еще кто-то с ним, бородатый такой, не иначе, его помощник.

— Ты бы сходил, Лука, к товарищу Кирову, они там, на Марьином лугу рыбу удят. Может, потребуется что Сергею Мироновичу,—посоветовал лесник.

— И то верно,—подхватил председатель.—Побегу. На уху приглашу товарища Кирова. Уж очень нам интересно будет с ним потолковать.

Председатель намеревался итти к приезжим охотникам один, да не тут-то было. Узнав про Кирова, за Лукой Корневым потянулась вся бригада. Собрался было и дедка Фома, но его не взяли, оставили уху варить.

—Аль я у бога теленка съел,—взмолился старик.—Чай, мне тоже с товарищем Кировым поговорить есть о чем. Не у дедки ли Фомы в книжке полтыщи трудодней вписаны?

— Ладно, ладно, вот придет Мироныч в бригаду, ты с ним и потолкуешь, а сейчас стряпай знай, да рыбки первосортной отвари,—строго наказал председатель.—Смотри, лишнего не болтай... при товарище Кирове.

— Не учи старого, сами с усами да с бородой,—отговаривался Фома, нахмурив свои седые брови.

Отсюда до Синего Родника, если итти лесными стежками, версты две, не больше, а вот колхозников все нет и нет.

— „Заговорились, поди, и про дедку с ухой забыли“,—с тоской думал старик, и душа его ныла от обиды. Между тем, в летней ночной тишине послышались голоса.

„Идут“, — решил старик и, проворно вскочив на ноги, принялся одергивать на себе холщевую, вышитую желудями, рубаху и приглаживать всклокоченную бороду.

И точно, громко переговариваясь, к костру приближались рыбаки. Дедка суетливо подбросил в костер сухого хвороста, пламя взыграло и на мыске посветлело. Фома сразу узнал товарища Кирова. С широким открытым лицом, без фуражки, он был обут в высокие болотные сапоги и одет в кожаную курточку. Еще на нем были охотничья сумка и сетчатый ягдташ, наполненный дичью. Легонькое красивое ружьецо центрального боя Киров нес в руке, придерживая его за казенную часть.

Видимо, Киров сказал что-то интересное и веселое, потому что рыбаки дружно хохотали, заглушая крикливых дергачей.

Лесничий говорил правду: Киров был не один, вместе с ним шагал рослый бородатый мужчина в роговых очках.

— Здравствуй, дедушка!—весело проговорил Киров, приветствуя Фому.—Вот рыбалку вашу пришли проведать. Знакомься,—он кивнул на бородача,—приятель мой, Петр Железнов, путиловский сталевар. Когда - то мы с ним вместе Астрахань обороняли.

Поочередно пожав крепкие руки новым знакомым, дедка Фома долго и изучающе всматривался в лицо товарища Кирова и, наконец, заметил:

— Правильно вас на патретах рисуют, точь-в-точь с образчиком схоже.

Рыбаки засмеялись, а председатель сконфуженно отвернулся и затеребил в затылке. „Ну, пошел городить Фома",—подумал он и, меняя разговор, поинтересовался:

— Как у тебя дело с ухой?

— Уха давно готова,—отрапортовал Фома, и заметив в руках у Кирова синенький сатиновый кисет, неожиданно громко вскричал:—Ребята: смотри-ка, махорку курит, а! Скажи на милость! Господи! Кого увидеть самолично довелось!

— Вы уж извините, товарищ Киров, — выдвинулся вперед председатель,—простой у нас уж больно дедка Фома. Это я о нем вам дорогой рассказывал,—и, обращаясь к Фоме, он сказал:—Вот Сергея Мироновича угостить надо.

— Спасибо, товарищи,—проговорил Киров, присаживаясь на перевернутый челн, что лежал на берегу. Мы с товарищем Железновым плотненько закусили, по уточке испекли,—и, посмотрев на Фому, он добавил:—Доброе дело—говорить просто и смело.

Фома, польщенный вниманием Сергея Мироновича, засуетился еще больше.

— Нет уж, как хотите, Сергей Миронович, а от нашего варева да парева не отказывайтесь. Чем богаты, тем и рады.

— Ну ладно, коли так,—согласился Киров.—За компанию отведаем вашей ухи. Присаживайся, сталевар. А хороша ли рыбалка?—поинтересовался он, берясь за ложку.

— Хороша. Удача на невод нынче, товарищ Киров,—живо ответил председатель.—На зорьке такую тоню бог послал, что диву дашься, чуть все матицы у неводов не порвали. Мы, ладожские рыбаки, ленинградцев без рыбы не оставим, будьте спокойны.

— А с планом как?

— Не подкачали. Лето стоит, а мы уже сверх задания лов ведем. Одно нас затирает, товарищ Киров,—отправка. Бьемся, как козлы об ясли, нехватает у нас лодок.

— Оно, конешно,—вступил в разговор дедка Фома,—

артель наша невеликая, да рыбаки-то в ней все знающие.

— Молодцы, — похвалил Киров рыбаков-колхозников и стал рассказывать им о богатствах здешнего края, о породах ладожских рыб, о лучших рыбарях. За беседой незаметно бежало время. В шелковистых травах кричали дергачи, в камышах и осоках крякали утки, а колхозники сидели, забыв про все на свете, и слушали ясные, простые слова Мироныча и удивлялись: откуда это Киров так хорошо знает рыбацкое дело, так глубоко понимает природу? По правде говоря, вот и дедка Фома совсем не таким представлял Кирова. О Кирове он слыхал много, читал его речи, напечатанные в газетах, имел в своей просторной и чистой избе портрет Мироныча, знал, что Киров—помощник самого товарища Сталина, но что он такой простой, обыкновенный, проникающий в душу, ласковый и веселый, — старик никак не предполагал.

... Уже давно растаяла короткая летняя ночь и над Ладогой легко и свободно вознесся рассвет. Вскоре товарищи Киров и Железнов начали собираться в отъезд. На прощанье рыбаки подарили Миронычу здоровенного лосося.

— Прими от ладожских мужичков-рыбачков, — настойчиво предлагал Фома.

— Да что вы, товарищи. Нам с Железновым такого зверя и в декаду не осилить, — отшучивался Киров.

— А вы кого-нибудь на помощь покличьте, — посоветовал старый рыбак.

— Ну, коли так, — согласился Киров,—возьмем лосося. Большое спасибо, отличная штучка. Вот так рыбина! Держи-ка, сталевар.

Колхозники проводили охотников до Синего Родника. В том местечке, в тихом заливчике, стояла кировская моторка с красным флажком на корме.

Уже над озером уверенно поднималось солнце, когда Киров и Железнов покидали Ладогу, а через три дня в рыболовецкую артель „Дружба" пришли два письма. В одном из них воспитанники ленинградского детдома благодарили рыбаков за лосося, а в другом письме товарищ Киров писал председателю, чтобы тот проворнее ехал в Ленинград за моторным катером.

Кировское письмо десятки раз перечитывали всей артелью здесь же, на озерном берегу, вспоминали неожиданную встречу с Миронычем, а дедка Фома все не мог уразуметь, каким путем товарищ Киров среди тысячи всяких дел не забыл про их маленькую рыбацкую артель.

— Думается, и не записывал ничего, а вот видишь ты, — восторженно рассуждал старик. — До чего у него внимание к людям развито! Катер сулит. Да ведь мы и не просили у него катера, так только Лука намекнул, а он, Киров-то, возьми да и помоги.

— Лосося, видишь, ребятишкам отвез, — заметил председатель.

— Ах, Мироныч, Мироныч, талантливая голова, — проговорил дедка Фома и долго смотрел на запад, туда, куда три дня назад уходила кировская моторка.

УТРО В ТРАМВАЕ

В хрустально-голубом небе ширился алый свет утренней зари. Наступающий рассвет июньского дня едва успел погасить звезды, но великий город Ленина уже бодрствовал. По широким проспектам и прямолинейным улицам, легко шурша шинами, мчались автомобили, там и сям двигались красные вагоны трамваев, на панелях заметно люднело.

В одном из вагонов трамвая, а именно в девятке, бегущей к Нарвской заставе, среди многочисленных утренних пассажиров стояла бабушка. Малорослую, надгорбленную годами, старушку с огромным бидоном на спине совсем было затолкали. Да тут поднялся с лавки гражданин, одетый в просторный плащ, защитную гимнастерку и военную фуражку, весело сказал ей:

— А ну-ка, бабушка, присядь!

— Вот спасибо, сынок, дай тебе бог здоровьица, — обрадованно заговорила старуха и немедленно угнездилась на освободившемся месте, а гражданин в плаще, ухватившись за ручную петельку, смотрел в широкие просветы окон, любовался тем, как сверкает город во всей красе под веселым утренним солнцем.

— Далеко ли, бабушка, едешь? — спросила соседка, молодая краснощекая девушка в синем комбинезоне.

— На улицу Стачек, милая, — охотно отозвалась старушка. Там у меня внучка проживает, на Путиловском она работает, на подъемном кранте. А сама я с Дивенской, из колхоза, — продолжала она, придерживая молочную посудину.

Девушка в комбинезоне оказалась тоже работницей Путиловского завода, и они моментально разговорились.

У Нарвских ворот трамвай остановился, пропуская впереди себя вереницу автомобилей, и на фоне городского шума рельефно выделился голос, вылетающий из радиорепродуктора, установленного на чугунном столбе.

Прислушавшись к радио, бабка встрепенулась, сердито задвигала бровями и вдруг помрачнела.

— Ты чего это, бабушка? — заметив беспокойство старухи, полюбопытствовала молодая работница.

— Вон ... радио говорит, — забубнила старуха. — В нашей деревне тоже на днях радио протягивали. В кажином доме репродуктор приладили, а вот меня обошли.

— Это почему же? — примкнул к разговору пассажир в плаще.

— Да избенка-то моя с краю, как бы на отшибе села я живу, а столба одного и нехватило. Председатель-то наш артельный Кузьма Потапыч махнул, стало быть, рукой: дескать, ладно, живет бабка Анисья и без радио. Так меня и обошли, крепко обидели. А за что? Ровно я в поле какой обсевок. Да у меня внучка на Путиловском работает, а сын — на военном корабле набольший, капитаном зовется.

— Ишь ведь безобразник какой ваш председатель, — возмутился пассажир в плаще и нагнал на лицо недовольство. — Нет того, чтобы в лес за столбом подводу нарядить.

— Батюшка, да и бор-то рукой подать, — продолжала высказывать свою обиду старуха.

— Ладно, мамаша, не горюй, поможем тебе радио провести, — сказал пассажир в плаще и, погладив ласково старушкино плечо, что-то чиркнул в крошечную записную книжицу.

Трамвай остановился. Пассажир в плаще помог бабушке выйти из вагона, попрощался с ней, вскочил на подножку и поехал дальше, туда, где дымили краснопутиловские трубы.

Он стоял на подножке в широком выгоревшем плаще, в зеленой фуражке, сдвинутой на затылок, улыбался, а бабка, довольная, шептала про себя:

—До чего же приветливый человек. И кто же это он такой? Радио сулит.

Решив, что это никто иной, как заглавный по всей области монтер, бабушка заторопилась к своей внучке. Погостив у нее пару деньков, Анисья вернулась к себе

домой. Подходя к своей крайней избе, она уже в конце деревни увидела новенький столб с фарфоровыми стаканчиками и блестящие на солнце золотистые провода, бегущие в ее жилище. Увидела и удивилась. И не успела она развернуть подарки, привезенные от внучки, как прибежал к ней сам председатель артели Кузьма Потапыч, поздоровался и дипломатично спросил:

— Стало быть, Анисья Васильевна, в Смольном побывали?

— Что это?—не поняла старуха.

— Товарищу Кирову, говорю, нажаловались на счет радио-то.

— Ни в каком я Смольном не бывала,—заговорила старуха.—А рассказала я про обиду свою одному хорошему человеку в трамвае.

— Так это и был сам товарищ Киров!—воскликнул председатель, пританцовывая перед старухой.—И пробрал он меня, Анисьюшка, должен тебе доложить, основательно. Позавчера еще самолично звонил в наш сельский Совет. Осрамила ты меня, Анисьюшка, с ног до головы.

— Постой, постой,—опешила старуха,—что-то я тебя, Потапыч, не пойму.

„Ишь еще старая фокусничает",—подумал председатель и продолжал:—Так мы тебе все, все тут изладили. Избенка-то твоя на заперти была, так приказал я монтерам снаружи на стене радиогорловину приспособить. Оно еще удобнее: не только тебе, индо по всей деревне слышно станет.

Председатель трещал скороговоркой, топтался в чистенькой и уютной анисьиной избе, однако смысл его слов не доходил до сознания старухи. Бабка стояла у окна, смотрела на широкую колхозную улицу, на новенький столб, унизанный белыми стаканчиками, и в ее памяти вставал шумный Ленинград, раннее утро в трамвае, но все это затмевал уже знакомый человек в выгоревшем широком плаще, в защитной простой гимнастерке, в солдатской фуражке, сдвинутой на затылок, с широким приветливым лицом.

— Так вот он какой будет товарищ Киров,—шептала старая колхозница,—а я-то, глупая, думала, что это заглавный монтер.

ЗА НАРВСКОЙ ЗАСТАВОЙ

Василий Петрович Умнов, старый рабочий Путиловского завода, пригладив светлые, пушистые усы, примял кепку на голове и, пристально посматривая на инженера Фридкина, проговорил с небывалым возмущением:

— Позор нам, великий позор!

— А вы не шумели бы, товарищ Умнов, мешаете работать,—холодно ответил инженер, продолжая сидеть за длинным столом, на котором грудами лежали книги, чертежи, раскрытые готовальни.—Кричите, словно на Александровском рынке, а что толку?

— А вы думаете, молчать стану, да?—Снова зазвучал умновский бас.—Вы меня молчать не заставите, не те времена.

Тогда инженер, видимо, понял, что хватил через край. Он поднялся со стула, подошел к рабочему и, трогая пуговицу на его блузе, проговорил спокойно:

— Понимаете, товарищ Умнов. Организовать выпуск тракторов—это не то, что наладить изготовление самоваров. Выпуск тракторов требует основательной реконструкции многих цехов, дополнительного оборудования, новых материалов. И реализация такого задания...

— Это мы давно слыхали,—перебил инженера токарь.—Вы лучше скажите, каково нам, старым путиловцам, такой позор нести. Вот ко мне вчера брат приехал из-под Пскова. Они там у себя в селе ТОЗ сколачивают, товарищескую затевают обработку земли. Они там с кулаком воюют и тракторов ждут. А мы тут чертежики рисуем.

Голос Умнова оборвался и его большие узловатые руки мелко задрожали. Видно было, что не мог уже сдержать своего глубокого волнения старый металлист.

В самом деле, ведь они, путиловцы, первые в Петербурге пошли громить трон угнетателя-самодержца, а не они ли, путиловцы, проливали кровь на пулковских высотах, на камнях родного города, сражаясь с юнкерами, белоказаками и прочей сволочью. Затем восстанавливали завод, выполняли производственный план, а как дошло дело до пропашных тракторов—сели на мель.

И заминка случилась не где-нибудь на Чусовой или в Омутнинске, а на крупнейшем в Советской России заводе—на „Красном Путиловце", где при желании все можно сделать: и простую гайку и сложнейшую турбину.

Все это отлично понимал большевик Умнов, человек открытой русской души, потому и говорил прямо, может, даже подчас резко и грубо.

Инженер Фридкин знал, что неудача с тракторами угнетает не одного Умнова. Таких потомственных пролетариев, перебаливающих неуспех на заводе,—тысячи.

На «Красном Путиловце» в то время только и говорили о тракторах. И, желая унять волнение токаря, Фридкин нагнал на свое гладко выбритое лицо подобие улыбки, проговорил вкрадчиво:

— Вы напрасно расстраиваетесь, уважаемый. Если вы хотите знать—трактор это вообще новость и не только для нас, но и для всей нашей молодой промышленности.

— Новость?!—дернулся Умнов.—Так вот мы, краснопутиловцы, и обязаны ухватиться за нее. Скажи, скажи, где мы в хвосте плелись?!

Умнов махнул рукой и отошел к окну. За окном стояла августовская ночь, рассвеченная тысячами электроламп, и потому были видны: часть заводского двора, изрезанного блестящими линиями рельс, корпус литейного цеха, подъемные краны. Всюду мелькали рабочие, слышался веселый смех, живой говор.

Внемля могучему дыханию родного завода и пронзительным возгласам паровозных гудков, невеселые думы думал Умнов. Давно отработал свою дневную смену старый токарь, однако не хотелось ехать домой, даже несмотря на то, что ждал его гость. Неудача с тракторами от многих отняла отдых, сон и покой.

Умнов давно понял, что Фридкин и еще кое-кто из „больших спецов" не сторонники тракторного дела на «Путиловце». Один раз он даже слышал, как Фридкин,

похаживая по курилке, в которой находилось несколько рабочих, рассуждал развязно:

— Гм! Тракторы на „Красном Путиловце“? К чему это? Разве нельзя построить специальные заводы. Куда удобнее. Правда, придется обождать лишний годик, ну так что же делать. Много ждали. А тут перестраивай все заново.

Вот эта-то инертность, боязнь новизны и формализм инженера возмущали до глубины души.

Неторопливо очинив карандашик, Фридкин взялся было за циркуль, но в это время вбежал помощник начальника цеха, и сообщил:

— Киров приехал.

— Когда? — вскочил инженер.

— Только-что.

— Один?

— Один он редко бывает. Еще с ним кто-то, не то башкир, не то узбек, не успел разобраться. И к начальству не заглянули, прямо в наш тракторный.

— Вот это здорово, — встрепенулся Умнов. — Сейчас я с Миронычем потолкую, — и он стремглав выбежал из кабинета.

«Торопыга—мужик»,—проводил его косым взглядом инженер.

— В начальники метит, понимаем, — захихикал, ощерясь подхалимски, помощник начальника цеха.—Америку все собирается за пояс заткнуть, забить самого Мак-Кормика.

— Осточертели мне все эти выскочки, спокою от них нет, — поморщился Фридкин.—Ах, матушка Россия, где нам, — и посматривая пытливо из-под золотых очков, он спросил:

— Сегодня сколько сняли с конвейера?

— Двенадцать и то с натяжкой.

— Однако, нам надо пойти в цех.

— Да, да, велено явиться.

В тракторном цехе было тесно и шумно. Был как раз междусменный перерыв. Узнав о приезде Кирова, сюда, в тракторный, пришли не только начальники, мастера, но и многие рабочие.

Киров приехал на завод вместе с пожилым чернявым человеком, на котором был одет яркий разноцветный халат.

— Гость из Азербайджана!—отрекомендовал его Киров.

Приезжих окружили. Подходя ближе к центру людского сборища, Фридкин заметил, что токарь Умнов, находясь лицом к лицу с вождем, что-то горячо говорил, то и дело приглаживая свои усы.

Киров внимательно слушал старого мастера, одобрительно кивал головой и на его открытом лице сияла теплая улыбка.

Когда в цех собралось почти все заводское начальство, товарищ Киров снял фуражку, окинул живым, веселым взглядом собравшихся, спросил:

—Ну как, товарищи краснопутиловцы, выпустим тракторы в срок?

Быстрого ответа не последовало. Наступила тишина и стало слышно, как в дальнем углу кто-то торопливо шаркал пилой. Но вот выщагнул вперед токарь Умнов, рубанул воздух рукой:

— Дадим, Сергей Миронович!

— Не обожгись, Петрович!

— Прыток больно.

— Умнов всегда умнее других хочет быть,— послышались возгласы. Токарь заметил, кто кричал. Реплики принадлежали лодырям и нерадивым. Вон Сенька Штукарь— пьяница и лодырь тоже рот открыл, намереваясь что-то изречь, да не успел, потому что Умнова поддержал Киров:

— Правильно товарищ говорит, дать тракторы в срок можно.

Тогда один из начальников, тихонько кашлянув кулак, осторожно проговорил:

— Мы считаем, что такое задание нам не осилить, товарищ Киров.

— Кто это вы? — поинтересовался Мироныч, вскрывая пачку папирос „Нева“ и угощая рабочих.

— Мы ... то-есть руководящий технический состав, — поперхнулся словами начальник и многозначительно посмотрел на инженера Фридкина.

— Да, технически это сделать невозможно. Дело в том, что нам дано очень мало времени, и притом—реконструкция,— вмешался в свою очередь Фридкин и юркнул за рабочих.

— Не знаю, как технически, но по-коммунистически это может и должно быть сделано!

— Вот эдак-то и не пробовали, Сергей Миронович,— ликующе воскликнул Умнов.

Рабочие оживленно зашумели, а товарищ Киров тем временем подошел к новенькому трактору-образчику, стоящему в цехе, положил руку на радиатор, сказал своим молодым звонким голосом:

— Партия и правительство поручили нам, ленинградцам, дать для сельского хозяйства потребное количество вот таких машин. Стало быть, эта машина — не простая машина. Это, товарищи, не пропашник, а, если хотите,— наша коммунистическая партийная политика.

— Знаю, — продолжал Киров, — большинство краснопутиловцев это себе хорошо уяснили, однако, нельзя таить греха, есть на заводе люди, которые еще не поняли, что значит каждый трактор, спущенный с конвейера. И не мешает этим людям напомнить, что каждый новый трактор— это дополнительные сотни пудов сельскохозяйственных продуктов, это километры холста, мануфактуры, это — облегчение крестьянского труда. Каждый новый трактор— это показатель роста нашей культуры и зажиточности.

— И вот те люди, которые не понимают политической важности механизации наших сел и деревень, как бы и не хотят понять ее, они, товарищи рабочие, прячутся за ваши спины.

Среди рабочих стало еще оживленнее. Вспыхнул смех. Токари, слесари, кузнецы и другой мастеровой люд поняли, о ком идет речь, и инженер Фридкин, смущенный и растерянный, живо был вытолкнут на средину, а давешние крикуны тем временем постарались смыться. Их места уже заняли приблизившиеся к Миронычу другие рабочие, в большинстве старики.

Товарищ Киров продолжал:

— Сегодня я сознательно приехал к вам не один, а прихватил данного товарища,—указал Мироныч на чернявого человека в пестром халате. — Это гость из Азербайджана. Он расскажет вам о том, с каким нетерпением ждут хлопководы трактора.

— Правильно ты учишь нас, Мироныч,—неожиданно громко проговорил, выдвигаясь вперед, высокий седобородый рабочий.—Все можно сделать на нашем заводе: и гаечку, и зажигалку, и паровоз, коли сердце в дело вложить,—подметил старик.—Или все из-за границы покупать машины станем? Я думаю, что путают наши инженеры.

— Ясно, путают,—подхватил Умнов, сверкая серыми своими глазами. Вон ко мне брат вчера прикатил из-под Пскова. Они там у себя в селе Черемухове артель сколачивают и трактора ждут, словно дождя в засуху. А разве мало сейчас у нас в стране таких артелей?

— Конечно, немало.

— Помочь надо братьям-мужикам.

— А на что и смычка.

— Где это видано, чтобы краснопутиловцы заданное дело не провернули,—раздались новые возгласы.

В тракторном цехе состоялось собрание.

По предложению товарища Кирова Умнов привез на завод гостя — брата, приехавшего из-под Пскова. Пскович и азербайджанец рассказали рабочим о жизни деревни, о коллективизации, о борьбе с кулаком, о том, с какой радостью встречают крестьяне каждую новую машину.

Мироныч был здесь же. Он обошел все цеха, подсобные мастерские, побывал на силовой, долго толковал со старыми мастерами и, выявив бесхозяйственность, допускаемую отдельными начальниками, проучил их за нерадивость. Перед рассветом Киров собирался уезжать. Он уже попрощался с рабочими, сел в кабину своей машины рядом с шофером, но в это время к гаражу энергично подбежал инженер Фридкин:

— Сергей Миронович,—взволнованно проговорил он,— скажите, когда к вам можно приехать в Смольный. У меня по тракторам ряд предложений.

— Технических?—мелькнула легкая улыбка на губах Кирова.

— Да... технических, но продиктованных новым коммунистическим отношением к порученному делу. Простите. Тут действительно мы кое-что недоучли.

—В таком случае залезайте-ка, батенька мой, в машину, вот с утречка втроем и потолкуем,—предложил Киров, закуривая.

— Прекрасно,—обрадовался инженер, отпирая дверь кузова.—Только я беспокоюсь, как сегодня управятся литейщики. Мы, инженеры, волнуемся...

— За то мы, старые путиловцы, теперь спокойны, — перебивая инженера, раздался в затемненной машине могучий бас.

— Фридкин от неожиданности вздрогнул, попятился назад, но в этот момент в машине вспыхнула лампочка и осветила усатое лицо Умнова.

— «Вон кто третий-то», — подумал уже на-ходу Фридкин, застегивая портфель.

СОДЕРЖАНИЕ:

Редактор Н. Кулепетов. *Тех. редактор В. Пряников.*
Выпускающий В. Агеев. *Корректор Р. Рубинштейн.*

Тип. Боровичского районного издательства
ОД 0900380 Объем 1½ п. л. Зак. 2733, тир. 10000.

Цена 2 руб.

